

Алексей БОРОДИН:
Я ЗА СВЕЖИЙ ВЕТЕР В ТЕАТРЕ

Начало – стр. 1.

дем пробовать и в Москве, он нам кажется вполне полноценным и осмысленным. Вообще, я очень люблю варианты. Потому что в процессе проб возникают новые ощущения. Ведь спектакль, если он хорошо сделан, может попадать в разные ситуации, сохраняя свою суть. Отрадно то, что спектакль обрел на гастролях какую-то легкость, которая, на мой взгляд, очень важна для этой пьесы. Теперь в своем театре мы будем играть его и в камерном пространстве, когда зритель сидит на сцене, и в большом зале.

– Правда ли, что Ваш спектакль был одной из первых российских ласточек в Пекине за 50 лет с момента открытия «Народного театра»?

– Да, посол России в Китае сказал нам, что это был первый приезд драматического театра из России за последние полвека. Но, наверное, имелись в виду масштабные гастроли.

– Почему китайцы так отнеслись именно к Чехову?

– Я понял, что, как ни странно, Чехов для них не является каким-то далеким иностранным автором. Мне кажется, что между китайцами и русскими очень много общих точек, есть какое-то объединяющее нас чувство. Абсолютный контакт с залом возник уже к середине первого акта. При том, что они были вынуждены смотреть перевод на бегущей строке. И я понял, что тяга китайцев к нашей культуре – огромна.

– Мне хотелось бы продолжить «китайскую» тему нашего разговора, но не с театральных позиций, а экскурсом в историю Вашей личной жизни. Ведь эти гастроли совпали с 50-летием вашего отъезда из Китая?

– Да, ровно 50 лет назад вся наша семья: бабушка, родители, я и мои сестры, – приехали в СССР из Китая, где мои родители провели всю жизнь и где я родился. Мы жили в Шанхае, но тема возвращения «в свой сад» для них всегда была очень важной. Тогда в Шанхае была очень большая русская колония, а в 1954-м все стали разъезжаться: кто в Америку, кто в Канаду, кто во Францию, кто в Австралию. Но мои родители, и я тоже, были нацелены на Родину. Для меня это понятие с самого детства было не абстрактным, а очень конкретным и острым. Когда мы сюда приехали, то не слышали от родителей ни единого звука о том, что трудно, что это – не то, что они ждали... Ведь наши представления об СССР базировались на фильмах «Падение Берлина», «Сказание о земле сибирской», «Кубанские казаки». Это воспринималось там, в Шанхае, почти буквально. И для меня на недавнем фестивале было символично то, что вернулся я на землю своего детства с «Вишневым садом»!

– Вам как творческому человеку близка китайская культура?

– Когда мы там жили, китайская культура была вокруг. Потому что внутри дома у нас культивировалась русская культура: книги, музыка, альбомы... Хотя, конечно, в доме были какие-то китайские ширмы, статуэтки.

– Вернемся к актуальным проблемам. Что Вы планируете на нынешний сезон?

– Открылись мы последней премьерой прошлого сезона – пьесой исландского драматурга Аурни Ибсена

«Forever». В этот же день на малой сцене состоялась премьера спектакля по известной повести М. Агеева «Роман с кокаином». Он написана за границей в 20-х годах прошлого века. Были даже сомнения в авторстве: считали, что ее написал В. Набоков. Спектакль поставил ученик Петра Фоменко Олег Рыбкин, который очень много и успешно работал в провинции. А премьерой большой сцены в новом сезоне стал «Идиот» по мотивам романа Ф.М. Достоевского. Это – сценическое сочинение известного французского режиссера и хореографа Режиса Обадиа. Его идея – соединение текста, диалогов, сцен и современного танца. Я начал работу над пьесой, которую специально для нас написал Борис Акунин. Наша творческая дружба с этим замечательным писателем завязалась после спектакля «Эраст Фандорин» – сценической версии его известного романа «Азазел». В новой пьесе будет также «жить и работать» Эраст Фандорин, правда, повзрослевший. Пьеса называется «Инь и Ян». Это – детектив, но абсолютно оригинальное произведение, не повторяющее прежних романов о Фандорине. Планируем сделать два спектакля – «белую» и «черную» версии. Но эта премьера состоится после Нового года. Будем работать и над спектаклями, которые уже идут. Потому что для каждого зрителя, пришедшего в театр, сегодняшний спектакль и есть премьера.

– Вы всегда привлекали молодых режиссеров. Сохранится ли эта линия на будущее?

– Наш театр всегда открыт для молодых режиссеров, и я очень радуюсь их успехам. Я – за то, чтобы в театре гулял «свежий ветер», который бы действовал на всё (и на меня, в том числе). Молодежи нужно давать возможность пробовать, заявлять о себе. Потому что только через практику можно двигаться в этой профессии. В новом сезоне уже, например, начал репетировать свой новый спектакль ученик Анатолия Васильева Александр Огарев. Это инсценировка знаменитого романа «Повелитель мух» У. Голдинга. У нас установилась традиция, что молодые режиссеры пробуют себя сначала на малой сцене, а потом ставят на большой. Так было и с Огаревым, и с Александром Назаровым. После «Правил поведения в современном обществе» последний будет ставить на большой сцене «Кентервильское привидение» по Оскару Уайльду. А на маленькой сцене мы выступим, наконец, детский спектакль. Это будет сказка нашего замечательного соотечественника Евгения Клюева, который сейчас живет в Дании. Он пишет совершенно изумительные сказки и для взрослых, и для детей. У нас будут поставлены несколько сказок из его книжки «Сказки на всякий случай».

– Многие театры сегодня считают своим долгом ставить «остросоциальные» пьесы, в которых речь идет о терроризме, разврате и других язвах нашего общества. Теперь и крепкое словцо на сцене – дело привычное. Как в этом смысле будет себя вести ваш театр?

– Это, наверное, очень индивидуально. Я тоже за то, чтобы в театре проявлялись сегодняшние острые, болевые темы. Но при этом должен сохраняться художественный уровень. Должна быть какая-то планка. Мне ка-

жется, что, например, ненормативная лексика – за пределом искусства. Я это в своем театре услышать не смогу. Даже, если бы хотел. А если говорить о терроризме, то, как это ни печально, те впечатления, которые мы получаем в реальной жизни (взять хотя бы то, что мы пережили недавно – события в Беслане), гораздо сильнее любой придуманной драматургии. Для передачи этих ужасных эмоций должна появиться какая-то очень мощная, глубокая драматургия. А черный юмор в этом случае – просто безнравственно. Но если бы нашелся такой человек, как, например, покойный Юра Щекочихин, то я бы взялся за современную пьесу. Когда мы ставили его острые пьесы, у нас не было никакого желания над этим смеяться. Мы были сопричастны этим проблемам. А сейчас порой видишь такой взгляд: проблема есть, но я-то сам «в порядке»...

– Но все же Вы не можете не учитывать интересы своего молодого зрителя. Или Вы считаете, что Чехов и Достоевский для них вполне достаточно?

– Я прекрасно понимаю, что мы работаем в конкретном театре. Все дело

Сцена из спектакля
«Эраст Фандорин».
Эраст Фандорин – П. Красилов,
Граф Зуров – И. Исаев.

в том, как относиться к молодежи. Если мы относимся к ней как к толпе, которая на стадионе слушает паразитическую музыку и доходит до экстаза, это одно. Но есть ведь и другие группы. Мы должны предоставить молодежи право выбора. Ведь мы не можем поступать по «ведомственному» принципу: в театре Армии ставить про армию, а в молодежном – про молодежь. Я ведь неплохо знаю эту молодежь: у меня есть свои дети, внуки, свой курс в театральном институте, молодые артисты, которые приходят в театр. Да и на рок-концерты я часто хожу, потому что это меня очень интересует. Я вижу, что наши зрители – это не однородная масса. Поэтому мы распахнуты для каждого. Пушкинская фраза: «Здравствуй племя младое, незнакомо!» – мне очень близка. Я всегда пытаюсь вступать с этим племенем в диалог. Если мы будем это делать с высоты своего возраста, то общего языка не найдем. А если будем открыты, искренни, то ответная реакция обязательно последует. В этом смысле очень любопытный пример – Борис Акунин. В нем сочетается высокий творческий уровень с естественным желанием заинтересовать читателя, аудиторию. И это – очень продуктивно. Я когда-то уже говорил, что молодость – это состояние духа, которое театр обязательно должен сохранять. Это касается и молодых людей, которые работают в нем. Мне это поколение интересно. Меня коржит, когда кто-то призывает отнестись к ним, как к массе, тусовке, толпе. Я – за театр для людей.

– А как живет в наш сложный век Ваше актерское «племя младое, незнакомо»? Не появляется ли у них потребительское отношение к театру?

– Сейчас в театрах очень нелегко: масса соблазнов на стороне, люди хо-

Сцена из спектакля
«Вишневы сад».
Епиходов – Е. Редько,
Дуняша – Т. Матюхова,
Шарлотта – М. Куприянова.

Фото Екатерины Цветковой

тят зарабатывать деньги. Многие в нашем театральном мире разваливаются, и требуются колоссальные усилия, которые превратили бы центробежное стремление в центростремительное. Главный залог развития – полноценная творческая работа.

– Ваши актеры уже довольно востребованы на стороне: и в кино, и на ТВ, и даже в проектах иностранных режиссеров. Вас это радует, печалит или оставляет нейтральным?

– Оставить нейтральным это не может, потому что это касается каждого дня работы театра. Радует, потому что, мне кажется, хорошо, когда артисты востребованы. Но тут возникает проблема воспитания: что можно, а что нельзя. Есть некие элементарные вещи, которые позволять себе нельзя. Хотя я прекрасно понимаю, что съемки в плохом сериале – это не от хорошей жизни, надо зарабатывать. Но, как показывает практика, конца этому не бывает: хочется все больше и больше. Тут тоже нужно уметь себя остановить. Но самое главное, что востребованные артисты делятся на две части: для одних центром жизни является театр, для других он становится частью в череде всех остальных дел. Поэтому я часто их спрашиваю: «Где твой центр, где твой дом?» Этим творческим домом может быть только репертуарный театр, где тебе нужно чем-то жертвовать. Мы относимся к новым веяниям с пониманием, хотя это осложняет жизнь. Главное, чтобы действовал принцип, который всегда был смыслообразующим в русском театре: «Дело важнее, чем я, и я выигрываю отдельно, когда нахожусь внутри дела». Понимаю, что самолюбие тешит, когда у подъезда тебя встречают толпы поклонниц. Важно – до какой степени ты в это окунаешься. Вы-

ход здесь один – актеру в театре должно быть интересно. И это касается не только РАМТа. Один известный руководитель театра сказал недавно: «Надо каждый год брать новых. На один сезон хватит». Но большинство наших ребят любят именно то место, где работают, гордятся своим коллективом. Важную роль всегда играет старшее поколение. Печально, когда оно уходит. Мы проводили этим летом в последний путь нашего выдающегося артиста Ивана Дмитриевича Воронова, режиссера Анну Алексеевну Некрасову. Иногда мы, делая что-то, говорим: «А как бы на это посмотрели Воронов с Некрасовой?» И иногда становится неудобно и за молодых людей, и за самих себя... Они были примером истинного служения театру.

– Вы заговорили о репертуарном театре, театре-доме. В связи с этим не могу не задать вопрос по поводу готовящейся театральной реформы. Как вы к ней относитесь?

– Мы не ценим то, что имеем. Ведь иностранцы, приезжавшие к нам, всегда говорили: «Какие вы счастливые! Ваш репертуарный театр – это великое завоевание!» Конечно, требуется как-то реформировать театр, его положение сейчас недостаточно четко и весьма уязвимо. Но, например, лично меня никто не спрашивал, что я думаю об этом, что нужно сделать. Можно было бы, например, обратиться к очень интересным соображениям, которые высказывали Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко, когда они образовывали Московский Художественный театр. Там была очень интересная и жизнестойкая модель.

Вопросы задавал
Павел ПОДКЛАДОВ

